

Исследовательские традиции московской и петербургской школ историков

Изучение местных условий и региональных особенностей науки чрезвычайно важно для понимания закономерностей ее развития, традиции передачи знаний внутри различных академических сообществ. Эта проблема намечена в ряде работ петербургских ученых, которые весьма убедительно показали особенности развития исторической науки в городе на Неве¹. Эта цель поставлена и в данной работе, только взгляд на нее будет дан сквозь призму московских историков.

Одно из неизменных условий развития исторической науки – традиция, существование которой во многом обеспечивается устойчивыми научными сообществами – школами. Как правило, возникновение школы – сложный культурный феномен, появление которого можно объяснить множеством причин: от особенностей структуры личности главы школы, характерной особенностью которого является желание выстроить систему передачи накопленного опыта, – до специфики духовного развития общества в каждый данный, конкретный исторический период. Неизменным условием существования школы является четко осознаваемая особенность положения ее представителей в какой-то другой более универсальной системе. В силу того, что это осознание всегда отстоит от времени возникновения школы, то, как правило, традиции и особенности той или иной школы формулируются не первым поколением историков, которые составляют это ученое сообщество. Благодаря этой специфике, которая усугубляется революционностью развития русской духовной культуры, часто ведущей к уничтожению уже возникших направлений мысли, традиции некоторых исторических школ второй половины 19 – начала 20 в. оказались не сформулированными.

Во многом описанная выше ситуация характера для московской школы историков, которая ведет свою родословную от Т.Н. Грановского и С.М. Соловьева. Особенности московской школы не получили рационального объяснения со стороны представителей самой этой традиции. В результате московская школа историков оказалась описана в системе ценностей Петербургской школы историков. Как следствие, различия между московской и петербургской школами историков оказались затушеваны общими культурными установками, восходящим к извечному противопоставлению Москвы и Петербурга как двух совершенно различных элементов русской жизни. Вместо представлений о механизме формирования той и другой школы, историки получили свидетельства их непохожести. Однако как возникали представления о непохожести двух исторических школ, чем они были обусловлены?

Различные подходы к написанию исторических произведений наметились в Москве и Петербурге в первой половине 19 в. В 1849 г. вышла в свет докторская диссертация Грановского «Аббат Сугерий»². В ней Грановский, по собственному признанию, исходил из «существенных потребностей русских читателей». В результате московский историк требовал не «ученой роскоши» – монографий по узким темам, а общих работ по истории «главных народов древнего и нового мира»³.

Монография Грановского и его понимание задач исторической науки вызвали критический отзыв со стороны М.М. Стасюлевича, ученика петербургского профессора М.С. Куторги. Стасюлевич считал, что Грановский своей работой не достиг тех целей, которые «могли быть достигнуты в истинном ученом, критическом, специальном сочинении». Стасюлевич отводил диссертации Грановского почетное место в нашей

¹ Ананьич Б. В. Петербургская историческая школа (1929-1931 гг.) // Россия в XX веке. Судьбы исторической науки. М., 1996. С. 670-675; Каганович Б. С. Евгений Викторович Тарле и петербургская «школа историков»; Брачев В. С. Русский историк С. Ф. Платонов. Ученый, педагог, человек. СПб., 1997

² Грановский Т.Н. Аббат Сугерий. Историческое исследование. М., 1849.

³ Там же. С. III-IV.

«повествовательной литературе». Представитель петербургской школы историков заметил Грановскому, что «наука везде остается наукой, и ее характер не определяется никакими местностями: что автор признает необходимым для науки в Германии, то необходимо для нее повсюду»⁴. Стасюлевич отстаивал традиции немецкой исторической науки середины века с ее культом источника.

Различие между москвичами и петербуржцами во многом объяснялось разной постановкой исторического образования в том и другом университете, традициями взаимоотношений учитель–ученик, которые весьма существенно влияли на формирование историографической практики.

В Москве была гораздо более проработанная система семинарских занятий, чем в Петербурге. Ее отличительными чертами была система докладов, дискуссия, разрешение не только источниковедческих, но и историографических проблем. Об этом рассказывал Р.Ю. Виппер. Став преподавателем в Новороссийском университете, он писал своему учителю В.И. Герье 13 ноября 1894 года: «Практические занятия я повел на московский манер, здесь они состояли раньше в чтении рефератов или комментировании лектором источников. Беседа, дебаты, как нечто необычное, привлекают много посторонних».⁵

Подобный характер занятий в семинаре Виппера во многом объяснялся практикой взаимоотношений профессоров и студентов, которая сложилась в московском университете в 1840-50-е гг. Так, например, С.П. Шевырев на лекциях по всемирной литературе стихийно вводил в университетскую практику нечто среднее между практическими занятиями и семинарами. Задавая сочинения на литературные темы, Шевырев разбирал их у себя на лекциях, приглашая студентов к дискуссии по озвученным вопросам. А если учесть что на словесном отделении в годы мрачного семилетия обучалось около 18 человек, то подобные, формально являющиеся лекциями, занятия вполне можно рассматривать как семинары.

В 1866-67 гг. филолог П.М. Леонтьев попытался учредить официальный семинар для студентов, за работу в котором они должны были получать стипендии. «Для занятий, имеющих главною целью упражнения в самостоятельном разрешении разных филологических задач и учрежден при историко-филологическом факультете греко-латинский семинарий, порученный ординарному профессору Леонтьеву. В число членов семинара принимаются на основании конкурса или испытания достойные того студенты 2-го, 3-го и 4-го курсов. Членам семинарии производятся стипендии по 120 рублей в год»⁶. В том же году были опубликованы правила вступления в семинарии. Однако это нововведение долго не просуществовало.

Традиция тесного контакта профессора со студентами наиболее ярко отразилась в педагогической деятельности профессора всеобщей истории московского университета В.И. Герье. История становления семинара Герье была длительной. Первоначально возник официальный семинар, подобный тому, какой за несколько лет до Герье пытался создать один из его учителей, профессор римской словесности П.М. Леонтьев. Этот семинар был предназначен для студентов старших курсов – тех, кто уже принял решение о специализации, и был узко тематическим. Так, предметом занятий студентов 4 курса 1876 года стала «разработка темы «Политическая деятельность и личная характеристика императора Тиберия» и разбор источников для его царствования. В результате студентами были прочитаны, разобраны и сличены между собою шесть книг «Анналы» Тацита, биография Тиберия, написанная Светонием... и две книги Диона Кассия. На основании этого материала представлены рефераты о характере Тиберия, его отношении к

⁴ Москвитянин. 1850, ч.3, отд. 4. Критика и библиография. С.67-96

⁵ ОР РГБ. Ф.70. К.38. Д.118. Л. 7 об.

⁶ Отчет о состоянии и действиях Московского Императорского университета за 1866. М, 1867. С.20

Сенату и т.п., а затем критическая оценка упомянутых историков. После этого были подвергнуты критическому разбору книги Штара и Беле о Тиберии»⁷.

Впоследствии Герье разделил свой семинар на несколько потоков: «Семинарии по всеобщей истории, руководимый орд. пр. Герье, состояли в 1877 г. из трех отделений: первое или старшее отделение состояло, кроме студентов исторического отделения IV курса, из студентов, участвовавших не менее двух лет в историческом семинарии. Предметом занятий на первом отделении были письменные рефераты студентов о различных литературных памятниках, относящихся к истории XVIII века, и разборе этих рефератов. Ко второму отделению принадлежали студенты, принимавшие не менее одного года участие в семинарии. Предметом их занятий был устный и письменный разбор различных мест сочинения Азаревича «Патриции и плебеи». Третье отделение состояло из студентов, еще не принимавших прежде участия в семинарии. Предметом занятий на этом отделении был разбор первых двух книг «Истории» Ливия и изучение в связи с этим политических учреждений в древнем Риме, что служило основанием для письменных работ студентов»⁸. В 1878 г. «семинарий по всеобщей истории состоял из 2 отделений. Предметом занятий по младшему отделению в первое полугодие был разбор сочинения Азаревича «Патриции и плебеи», а на старшем отделении – источники для истории Франции в XVIII в. Во втором полугодии предметом занятий на младшем отделении разбор «Анналов» Тацита и других источников для истории царствования Тиберия, а на старшем отделении источники для истории Франции XVIII в. Кроме того, для студентов 4 курса, принимавших также участие в старшем отделении общего семинария, был устроен особый семинарий по истории средних веков. Занятие на этом семинарии заключались: 1. В переводе с латинского и объяснение хрестоматии средневековых исторических и юридических памятников, напечатанных проф. Герье для участников семинария. 2. В разборе исследований студентов по вопросу о землевладении у древних германцев»⁹.

При взгляде на перечень семинаров профессора Герье в 1877 и 1878 году становится ясно, что старшие студенты профессора занимались работой с источником, а темой, как правило, избиралась история Франции предреволюционного периода. Студенты, еще не избравшие у Герье темы в качестве специальности, обычно работали с историографией или источниками по истории древнего Рима.

Подобная многоуровневая система просуществовала до тех пор, пока Герье оставался единственным профессором кафедры всеобщей истории. Когда же на кафедру стали приходиться ученики Герье, система семинаров профессора претерпела изменения. Вместо семинара для студентов старших курсов возник так называемый «специальный семинар»¹⁰, посвященный проблемам новой истории и историографии, который в скором времени превратился в домашний. Из него впоследствии вышло Историческое общество при Московском университете. Между тем семинары, затрагивающие различные исторические периоды всеобщей истории, стали обязательным элементом общеисторического обучения на кафедре и были поделены между ее преподавателями.

Общеуниверситетский и домашний семинар методологически ничем не отличались. И в том и другом приобретались специальные навыки работы историка, что отличало эти формы занятий от установочных, общепросветительских по своей форме лекций. Неслучайно принимавший участие в составлении устава Высших женских курсов Герье был против введения семинаров в этом заведении, полагая, что курсы не готовят специалистов-историков. Целью семинара, следовательно, становилась подготовка

⁷ Отчет о состоянии и действиях Московского Императорского университета за 1876. М., 1877. С.19-20.

⁸ Отчет о состоянии и действиях Московского Императорского университета за 1877. М., 1978. С.18-19.

⁹ Отчет о состоянии и действиях Московского Императорского университета за 1879. М., 1879. С.20.

¹⁰ См.: Соболевский А.И. Некролог В.И.Герье // Известия Российской Академии наук. 1919, № 13. С.570.

историка-профессионала, обучение его определенным исследовательским навыкам работы с источником.

Основной темой специального семинара Герье была проблема «старого порядка» во Франции - в историографическом и источниковедческом разрезе. В центре дискуссий оказалась книга Алекса Токвиля «Старый порядок и революция». «Герье научил нас понимать и ценить «Старый порядок и революцию» Токвиля, - вспоминал впоследствии Н.И. Кареев. – Он очень высоко ставил это замечательное произведение, влияние которого сказалось на первой печатной работе его о Французской революции...Спокойный «токвилевский» дух характеризуют эту интересную статью»¹¹.

Весьма интересны и источники, привлекавшиеся к разбору на семинарах. Это прежде всего материалы личного происхождения (дневники, воспоминания) и публицистика, разобравшись с которыми, студенты должны были ответить не только на вопрос о той исторической обстановке, которая вызвала к жизни эти произведения, но и определить основные проблемы, для решения которых эти источники могли быть привлечены. Герье, таким образом, отдавал предпочтение не определенному виду источников, а ставил проблему, которую его ученики должны были решить, привлекая собственную источниковую базу. Впервые в отечественной историографии в семинарах Герье было уделено внимание и наказам сословий депутатам, ключевому источнику по общественным настроениям французского общества периода, предшествующего революции.

Герье очень строго подходил к студенческим рефератам, требовал концептуальности изложения, однако не терпел верхоглядства и желая, с его точки зрения, политизировать историю. Интересный в связи с этим эпизод произошел у него со студентом В.А. Маклаковым, будущим известным политическим деятелем партии кадетов. При исследовании характера немецкой государственности Маклакова потянуло на глобальные обобщения, и он мимоходом заметил: «Император Германии в то время был менее всего тем, чем монарх должен быть, то есть представителем только исполнительной власти». Герье «саркастически ослабился», попросил повторить эту фразу, как будто ее не расслышал. Маклаков «с апломбом ее повторил». Герье «недовольно пожевал губами, но промолчал». Маклаков стал доказывать, что «сопротивление папы церковным реформам было полезно, так как иначе все ограничивалось бы церковными реформами, а не было бы реформацией». «Полезно для проведения в жизнь великих идей и действия французского правительства», - продолжал Маклаков. Герье не выдержал и остановил студента: «Вы напоминаете мне молодого петушка, которому хочется кого-нибудь задеть шпорой, чтобы показать, что он тоже петух, почему вы говорите, что назначение монарха быть только исполнительной властью? Это можно утверждать только с точки зрения определенной политической доктрины, да и то плохо понятой, то есть с точки зрения Монтескье. Но его определение роли монарха годится не для всяких монархий, оно не безусловно, но всем доставляет удовольствие без всякой надобности, хотя бы мимоходом царапнуть монархию. Но это куда ни шло. А вот ваше сравнение Реформации с Революцией. Здесь есть верная мысль. Без злоупотреблений церкви реформации могло и не быть. Идеи веротерпимости, свободы совести явились в результате этих злоупотреблений феодализма и абсолютизма, совершенно законно. Но вам этого мало. Вам оказалось нужным пристегнуть сюда и революцию, оправдать и даже прославлять ее эксцессы и кровь». Маклаков стал заступаться за Революцию. Герье волновался и злился. «Если бы вы были постарше, я бы дал вам, - сказал он, обращаясь к студенту, - тему для серьезной работы: показать зло,

¹¹ Кареев Н.И. Памяти двух историков. С.159.

которое Французская революция принесла идеям, которым служила. Но в ваши годы этого не понимают. Он сказал это очень серьезно и грустно».¹²

Модель семинара Герье, где профессор активно обсуждал проблемы профессии историка, вовлекал студентов в практическую работу с разнообразными видами источников, показывал, как их критиковать и как ими пользоваться, не была единственной в Московском университете. Совсем другой характер носили семинары профессора русской истории В.О. Ключевского. Его семинары были продолжением лекций, где профессор скорее не учил, а вдохновлял своих студентов. «Он обладал удивительной пронизательностью, - вспоминал о Ключевском П.Н. Милюков, - однако ее источник был недоступен кому-либо из нас. Ключевский смотрел на русскую историю, так сказать, внутренним оком. Эта интуиция была выше наших возможностей, и мы не могли идти по стопам своего учителя... Профессор накладывал свою стройную законченную систему на нашу *tabula rasa*. Его пример показывал, что русская история также может являться предметом научного исследования; однако дверь, ведущая в эту систему, осталась для нас закрытой».¹³ Подобна линия семинарских занятий, судя по всему, была тупиковой, в результате чего ученики Ключевского (Милюков, Ю.В. Готье) с благодарностью вспоминали семинары ученика Герье – Виноградова и в своей преподавательской деятельности стремились построить работу со студентами на опыте работы преподавателей всеобщей истории.

Взаимоотношения профессор–студент в Петербургском университете складывались гораздо труднее, чем в Москве. Вообще до 1890-х гг. в Петербурге не существовало семинаров в московском понимании, а были лишь практические занятия, на которых читались и комментировались источники, шла подготовка рефератов, которые очень часто и вовсе не сдавались студентами. Оказавшийся в Петербурге москвич Н.И. Кареев писал в 1897 г. о семинарах в Петербурге следующим образом: «студенты не всегда подают рефераты и весьма часто ограничивают свое участие в занятиях подачею реферата, полагая, что их посещение аудитории в то время, когда читаются и обсуждаются чужие рефераты, и участие в этом обсуждении совсем излишни»¹⁴. 8 мая 1899 г. даже состоялось экстренное заседание Совета университета «Об устройстве и усилении практических занятий» на всех факультетах.

В результате вводились практические занятия: А.С. Лаппо-Данилевского по истории Московского государства в 15-17 вв., С.М. Середонина по истории государственных учреждений и сословий в 19 веке. Н.П. Лихачев занимался документальным источниковедением, С.В. Рождественский различными источникам по желанию студентов, С.Ф. Платонов знакомил студентов с законодательными памятниками. Однако появились лишь руководители занятий, а сама система подготовки не изменилась. Петербуржцы шли по узкому источниковедческому пути, намеченному еще Куторгой и развитому в семинарах Ф.Ф. Соколова, где студенты подробно изучали эпиграфические памятники по истории эллинизма. Петербургские исследователи явно тяготели к закрытым ученым сообществам с узкой постановкой проблемы. «Тот семинарий по дипломатике, участником которого мне пришлось быть в течение нескольких лет, - вспоминал С.Н. Валк, - был окутан в университетской среде дымкой таинственной неизвестности. Что было предметом наших занятий, неясно представляли себе не только наши сотоварищи, но подчас так же себя чувствовали почтенные сотоварищи покойного Александра Сергеевича. В разговоре с одним из участников семинария профессор-юрист удивленно спрашивал его (тоже юриста по университетскому образованию), каким же образом он дошел до занятий дипломатией, занятий внешней

¹² Маклаков В.А. Отрывки из воспоминаний // Московский университет. 1755-1930. Юбилейный сборник. Париж, 1930. С.298-299.

¹³ Милюков П.Н. Воспоминания (1856-1917). Т.1. Нью-Йорк, 1955. С. 89-94.

¹⁴ Цит по: Брачев В. С. «Наша петербургская школа историков» и ее судьба. СПб., 2001. С. 130.

политикой. Студенческая молодежь боялась идти на семинарий, судя о работе в нем по общему малодоступному для нее лекционному чтению А.С. Другие наши сверстники, войдя было в семинарий, но почему-либо отошедшие несколько от напряженного в нем труда, потом быстро оказывались в положении отставших и тоже лишь заинтересованных нашей работой чужаков... Наш семинарий даже в первые годы своего существования стал пользоваться славой чего-то малодоступного, хотя доступ туда был всем открыт, это было не случайно, как не случайно было и то, что уже попавший туда новичок попадал здесь в искус и первый год пребывал в нашей среде одним прислушивающимся к суровому делу молчаливником. Неслучайно было это потому, что наша семинарская работа неизбежно должна была явиться творческою, созидательною. Дипломатика частных актов – область знания, почти неизвестная русской научно-исторической литературе, мало разработанная и в передовой западноевропейской. Беглые общие замечания, вроде тех, что у Гири или Мейстера, едва могли удовлетворить даже только приступавших к делу»¹⁵.

Различия к началу 20 века между Петербургом и Москвой были очевидны. В Петербурге сформировалась крупнейшая в России школа византиноведов. В Москве – историков европейского Запада. Им было не сойтись друг с другом как востоку с западом. Русские историки московского университета стремились к изучению истории нового и новейшего времени, петербургские больше тяготели к более ранним периодам. Чувствовалось некоторое недопонимание, иногда переходившее в соперничество, открытый вызов. В.И. Сергеевич, который не мог защититься в Петербурге, ехал защищаться в Москву. В.М. Строев, которому не было место в Москве, отправился в Петербург. Однако конфликт был сугубо академическим. Петербуржцы не понимали тех общетеоретических вопросов, которые москвичи решали всю вторую половину 19 века. Москвичи не стремились так глубоко разбираться в сложных для понимания источниках по истории средневековой Руси. В результате на публичные лекции в Историческом обществе при Петербургском университете к москвичу Н.И. Карееву не приходили петербургские историки. В Москве так и не появилось специалиста по летописанию и раннему периоду русской истории.

Однако академический конфликт это не политический конфликт. Наличие непонимания не говорит о его непреодолимости. Мог ли конфликт сгладиться? Питерцы, как правило, отвечали на этот вопрос отрицательно, стремясь противопоставить себя москвичам. В 1918 г. в речи перед защитой докторской диссертации А.Е. Пресняков рассказал об особой петербургской научной школе. Она определялась прежде всего «научным реализмом, сказывающемся прежде всего в конкретном, непосредственном отношении к источнику и факту вне зависимости от историографической традиции»¹⁶. Петербургской школе Пресняков противопоставил историко-юридическую, московскую школу, школу Соловьева и Ключевского, у которой «материал, почерпнутый из первоисточников, не играл подобающей ему существенной роли». В Петербурге создавали специальные исторические работы. В Москве господствовала «идеологическая, схематизирующая историография». Все было безусловно так, если мы сравниваем работы самого Преснякова с лекциями Ключевского. Однако, если мы будем иметь в виду учеников Ключевского, особенно первого десятилетия 20 века, то увидим, что это именно источниковеды, впервые вводившие в научный оборот материалы московских архивов по истории 18 века. В Ленинграде этого не увидели. Прошло 20 лет и С.Н. Валк подвел итог в истории формирования московской и петербургской школ. Валк говорил о существовании двух путей исторического исследования – «аналитического» и «синтетического». Если при первом подходе «автор...изучал отдельные факты и явления до последнего их основания, очищал их, проверял критикой и указывал на истинное их

¹⁵ Валк С.Н. Воспоминание ученика // Ленинградский университет в воспоминаниях современников. Т.2. М., 1982. С. 118-119.

¹⁶ (Пресняков А. Е. Речь перед защитой докторской диссертации под заглавием «Образование Великорусского государства». Пг., 1920. С. 6.

положение», то при втором - историк обращался к «массе фактов и явлений, связывал их внешним образом, заботился об одной форме».¹⁷ Представителем первого подхода в исторической науке Валк считал основателя «петербургской школы» исследователей – М.С. Куторгу. Идейным выразителем другого направления он называл Т.Н. Грановского, профессора Московского университета. Дальнейшее развитие двух исторических школ Валк связывал с общим положением университетской науки в Петербурге и Москве. «...Такие деятели, как, например, Грановский, в условиях, в которых находился Петербургский университет в те времена, не могли бы, если бы они появились, получить то значение, которое они имели в Москве», - писал историк¹⁸. Из культурного несходства двух столиц Валк вывел методологические различия между двумя школами.

Еще через 50 лет, когда в Санкт-Петербурге размышляли о причинах кризиса, постигшего историческую науку во второй половине 20 века, как-то сама собой напросилась мысль о том, что во многом он обусловлен судьбой петербургской исторической школы в 20 веке, ее печальной судьбой¹⁹. В результате линия расхождения между двумя культурными столицами была протянута и в 20 век. Получалось, что московский схематизм и внеисточниковое знание привел к господству школы Покровского и предельно далекой от источника марксистской схеме русской истории, кризису русской науки рубежа 19-20 вв., в то время как заглушенный голос петербургской науки, гонимой и отверженной, все же не дал умереть истории как гуманитарному виду знания.

Москвичи вопрос о различиях московской и петербургской школы в 19-20 вв. не рассматривали вовсе, что косвенно свидетельствуют о том, что они не считали себя наследниками традиции дореволюционного университета. Лишь П.Н. Милюков (к тому времени уже не москвич), находясь в эмиграции, попытался противопоставить питерца С.Ф. Платонова москвичу А.А. Кизеветтеру. «Давно уже вошло в обычай противопоставлять Петербург и Москву, – писал историк. – Петербург – город чиновной бюрократии. В Москве на первом плане общественности – люди вольных профессий. Петербург официален и затянут в мундир. У москвичей – душа на распашку. Петербург дисциплинирован. Москва вольнолюбива. Петербуржец – формалист. Москвич всегда склонен доискиваться до причин и «смотрит в корень». В Москве хоть отбавляй оригинальности: она выдумывает, не боясь грешить отсебятиной. Петербург осторожен насчет выдумки; зато как раз придуманное он мастер приводить в порядок».²⁰ Для Милюкова было несомненным, что в середине 19 века обе школы были далеки друг от друга. «Описанные различия в физиономии двух столиц отразились, несомненно и в направлениях научной мысли... Петербург зашнуровывал научную мысль в довольно тесный корсет. Учитель Платонова, Бестужев-Рюмин (я уже не упоминаю о Замысловском), противопоставляя свое время времени Карамзина и следуя заветам Шлецера, пришел к заключению, что писать историю рано; нужно предварительно изучить источники».²¹ В Москве стремились к обобщениям, написанию диссертаций с позиций общего курса, читавшегося студентам. Однако походя осветив различия, свойственные для исторической науки двух столиц во второй половине 19 в., Милюков все же признал, что к началу 20 века две школы во многом сблизились. Славу объединителя Милюков приписывал себе, рассказав, как в конце 1880-х он, приехав в Питер и преодолевая сопротивление учеников Бестужева-Рюмина, источниковедов по преимуществу, познакомил местных историков с поисками москвичей, результатом чего

¹⁷ Там же. С.14.

¹⁸ Там же. С.3.

¹⁹ Ананьич Б.В., Панях В.М. О петербургской исторической школе и ее судьбе //Отеч.история, 2000. № 5, С. 105–113.

²⁰ Милюков П. Н. Два русских историка (С. Ф. Платонов и А. А. Кизеветтер) // Милюков П. Н. Очерки истории исторической науки. М., 2002. с. 488-489

²¹ Там же. С. 489

стала работа С.Ф. Платонова о смуте, часть которой была написана по-московски, а часть по-питерски. Думается, что Милюков очень верно подметил факт интенсификации контактов между историками Москвы и Петербурга, результатом которых стал изменение научной атмосферы и поля исторических исследований в обеих столицах. Так, в Петербурге появились первые историки, которые отказались от сугубо источниковедческого подхода к истории и занялись изучением теоретических вопросов исторической науки (Лаппо-Данилевский), пытались конструировать историческую реальность (Б.А. Романов). В Москве, напротив, впервые за долгие годы появился крупный источниковед С.Б. Веселовский, которого в Петербурге всегда считали «своим». Да и сам факт появления научных исторических журналов в Петербурге и Москве говорит о том, что и в том и другом городе господствовала университетская (объясняющая) наука, а не академическая (наука ради науки).

И все же единого поля науки не сформировалось. Впрочем, дело было не в общих культурных различиях интеллигенции Москвы и Петербурга, а в политической ситуации 1920–30-х гг., когда университетская дореволюционная наука стала вытесняться на периферию. В этой ситуации петербуржцам повезло больше. Связи с дореволюционными традициями науки в советское время поддерживали прямые потомки петербургской профессуры: С.Н. Валк, А.И. Андреев, Б.А. Романов, М.Д. Приселков и др. В Москве, вероятнее всего, единственным наследником славы московской школы историков оставались М.Н. Тихомиров, да П.А. Зайончковский, ученик ученика В.О. Ключевского – Ю.В. Готье. Зайончковский продолжал традиции особых взаимоотношений профессоров и студентов, свойственных для московского университета. У него была также общая идея истории 19 века, которая рассматривалась сквозь призму крупных реформ государственной власти. Однако общетеоретические установки московской школы историков, их стремление к гносеологическим проблемам исторической науки явно угасли. Лишь только Н.Л. Рубинштейн, одесский ученик Е.Н. Щепкина, выпускника московского университета, немного напоминал о них.

Так что, если дореволюционные традиции Петербурга во многом сохранились, то в Москве они существуют лишь частично. В целом же идеалы исследования в Москве в 20 веке коренным образом отличаются от дореволюционных. Так что сравнивать здесь почти нечего. А потому разные взгляды москвичей и ленинградцев на историю Древнерусского государства, так взволновавшие историков в 1970-е гг. – это не продолжения спора традиций двух дореволюционных школ, а противостояние старого с новым, а может быть и нового с новым. Причем, новое возникло не благодаря Москве. Б.Д. Греков, концепцию которого развивал Б.А. Рыбаков, сформировался под влиянием Д.М. Петрушевского (киевлянин, преподавал в Москве, что очень не устраивало главу московских всеобщих историков В.И. Герье). Так что история диалога московской и петербургской исторических школ, вероятнее всего, заканчивается в начале 20 века. С этой поры начинается их общая судьба, которая привела русских ученых к «академическому делу», большее ударившему именно по Москве.